

ЮБИЛЕЙ

Время
новостей.
2000.
1 июня
с 7.

«И нет тебя, и всюду ты»

Сегодня Давиду Самойлову
исполнилось бы 80 лет

Коли судить по внешним параметрам, судьба Давида Самойлова была удачной. Поэта пощадила война, выбившая его поколение. Он не испытал крупных гонений. «Мелкие» случались, но какой совестливый русский литератор в советскую пору не сажался временами на «ограниченный паек» (Самойлова почти не печатали на рубеже 60—70-х — по его выражению, за «любовь к эпистолярному жанру», т.е. за «подписанство») или не выслушивал хамских наставлений? А Самойлов был безусловно человеком совестливым, благородным и в силу этого — оппозиционно настроенным. Это «кожей знали» ценители его поэзии, точно улавливавшие ноты духовного сопротивления в его самой что ни на есть интимной лирике — он был своим. Знали и власть предержащие. Не знали они другого — что с Самойловым делать? И скрипя зубами «дозволяли» новые журнальные публикации и компактные книжки, каждая из которых становилась событием. После «Волны и камня» (1974) и без того высокий авторитет Самойлова неуклонно шел вверх. Были вечера, друзья, ученики, обласканные литературная поленщина (переводы, сочинения для детей и статьи Самойлова всегда выдавали настоящего мастера — то, что для многих было адом, Самойлов делал со зримым изяществом и удовольствием). Было сознание принадлежности к большой традиции — «поздней пушкинской плеяде». Было чувство включенности в историю, неотделимое от просвещенного патриотизма и «государственничества». Все было. И все же на пике удач (начало 80-х) трезво мыслящий и не склонный к интеллигентскому мазохизму Самойлов с крайней мрачностью подытожил свою судьбу.

Мне выпало счастье быть русским поэтом. / Мне выпала честь прикасаться к победам. / Мне выпало горе родиться в двадцатом, / В проклятом году и в

столетие проклятом. // Мне выпало все. И при этом я выпал. / Как пьяный из фуры, в походе великом. // Как валенок мерзлый валяюсь в кювете. / Добро на Руси ничего не имети. Впервые услышав эти стихи на вечере Самойлова в музее Маяковского, я подумал: «Этого они в жизни не напечатает». И ошибся. Напечатали. Правда, не в Москве, а в Таллине, где вышел сборник «Голоса за холмами» (1985) — тот, за который редактору дали выговор, а поэту — несколькими годами позднее, в захлесте перестройки — Государственную премию. Только смысла стихов не могли отменить ни публикация, ни казенная награда, ни торжественный зачин, ни другие — многочисленные — строфы, в которых Самойлов искренне и сильно говорил о красоте мира, оправданности истории, полноте человеческих чувств, счастье. «Счастье» ведь и в этой страшной исповеди уголок нашло — что было, то было.

Самойловский Пушкин после разговора с Пестелем думает: «Он тоже заговорщик. / И некуда податься, кроме них». И выскальзывает из цепких сетей необходимости, услышав волшебное пение Анны, в которое вместились весна, страсть к жизни и неназванный в стихах поэтический дар. Самойлов всю жизнь стремился к этому голосу — и искал то заколдованное место, где он не молкнет. Или хотя бы слышится чуть лучше, отчетливее, яснее. Он искал «свободы и покоя», зная, что вожделенная обитель — приют временный. Что солдатский долг рано или поздно заставит его вернуться на пост. Об этом самойловская «Звезда», где воспоминание о военной молодости проецируется на «мирное» бытие поэта: *Когда дойдет звезда до ветки, / Когда вернутся из разведки / И в маскхалатах пробегут, / На лыжах в тыл, придет мне смена, / Настанет, как обыкновенно, / блаженный сон на сто минут. // Но я еще вернусь к рассвету / На пост. Звезду увижу эту. / Она как свет в окне жилья. / Не знаю, кто она такая, / Зачем она стоит, сверкая / И*

на меня покой ля. Блаженство передышки подрастает возвращение. Лучшее самойловское счастье — короткое, эфемерное. Это счастье «отпуска» и «постоя», мгновенной любви, что завтра оборвется. А после «стужа, и окоп, / И ветер в бок, и пуля в лоб». Часового держит на посту не только долг, но и страсть, «звезда», неотделимая от опасности, мороза, смерти. Землянку, чужую нагретую хату, постель (которая в поэме «Снегопад» так и не стала ложем любви) придется покинуть. В приюте хорошо, покуда он временный.

Таким временным приютом для Самойлова стала Эстония. Прежде чем поселиться в Пярну (там поэт прожил свои последние пятнадцать лет), Самойлов написал: *Мне ведь многого не надо, / Мой приезд почти бесцелен: / Побродить по ресторанам, / Постоять под снегопадом / И увидеть Яна с Элен, / Да, увидеть Элен с Яном <...> А однажды утром рано / Вновь отъехать от перрона / Прямо в сторону бурана, / Где уже не будет Элен, / Где уже не будет Яна. / Да, ни Элен и ни Яна.* Пярнское уединение строилось по модели «Таллинской песенки». Про «сторону бурана» поэт не просто помнил — он жил ею. И чем крепче обосновывался Самойлов на берегу залива, тем больше эта счастливая обитель утрачивала свои легкомысленно пленительные черты. Эстония уберегла поэта от эмиграции. Несколько смягчила российский мороз. Но защитить от него не могла — и не только потому, что входила в состав СССР, но и потому, что Самойлов без этого мороза себя не мыслит. Избавить от него — от превратностей родной истории, от солдатского долга, от сплава скепсиса и надежды — могла только заповедность, звезда смерти.

И еще один — болезненный — сюжет: нет у нас хотя бы относительно полного, выверенного и комментированного свода стихов Самойлова. При всех наших трудностях этого греха с редколлегии «Библиотеки поэта» не спишешь — десять лет со смерти мастера прошло!

Перечитайте недавно опубликованные «Шаги Командорова» и «Сороковые», «Старика Державина» и «Давай поедим в город...», «Конец Пугачева» и «Полночь под Иван-Купала», «Балканские песни» и «Струфиана»... И, быть может, вам захочется переадресовать поэту, оставшемуся нас десять лет назад, строки, некогда обращенные им к любимой: *Я постарел, а ты все та же. / И ты в любом моем пейзаже — / Свет неба или свет воды. / И нет тебя, и всюду ты.*

Андрей НЕМЗЕР, Таллин

Самойловские чтения в Таллине

Эстония, подарившая Давиду Самойлову счастливую иллюзию «иномирности», помнит о поэте. В Таллине прошла конференция, организованная кафедрой русской литературы местного Педагогического университета. Благодаря стараниям Ирины Белобровцевой на самойловские чтения приехали сын поэта Александр Давыдов, старинные друзья Самойлова писатели Лидия Лебединская и Юрий Абызов, истинные знатоки его поэзии, скрупулезные библиографы Наталья Мирская и Виктор Тумаркин, музыканты, актеры, филологи, люди, любившие Самойлова. Читались неизвестные страницы его дневников и писем, шла речь о невоплощенных замыслах, об эстонском житье-бытье поэта, о доме в Пярну, что, увы, не стал музеем. В зале заседаний были развешены фотографии Виктора Перельгина — пярнского соседа и друга Самойлова, создавшего подробнейшую фото- и кинохронику его жизни близ залива. К юбилею в Таллине выпущен изящный двуязычный сборник «День рождения» и одноименная кассета с песнями на самойловские стихи.